

ЦИ

С18

89-др.

Санжеев Г. Д.

Наклонения в

монгольских языках.

— и Вопросы грамматики

и истории восточных
языков

М., — Л., 1958,

с. 3-25

С 18
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Синжеев Г. Д.

Изклонения в монгольских
языках. — (с. 3-25).

В О П Р О С Ы
ГРАММАТИКИ И ИСТОРИИ
ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В О П Р О С Ы
ГРАММАТИКИ И ИСТОРИИ
ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

Г. Д. Санжеев

НАКЛОНЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

1

Категория наклонения в монгольских языках относится к числу таких явлений, которые в монголоведной лингвистической литературе до сих пор не подверглись специальной разработке. До настоящего времени монголистика в сущности обходилась даже без употребления термина „наклонение“, если не считать более ранние монголоведные монографии и грамматические пособия практического характера.

А. Попов, один из первых русских монголистов, находил в ойратском языке следующие шесть наклонений.

1. Повелительное, которое „выражает повеление или советование одного предмета другому“ и представлено тремя специальными формами 2-го лица: а) единственного числа — *сана* ‘думай’; б) множественного числа — *санагтун* ‘думайте’; в) будущего времени — *санārai* ‘думай’, ‘думайте’ (не теперь, а потом).

2. Неокончателное, которое „показывает действие или состояние предмета без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц“ и представлено формой, получившей впоследствии, как и у самого А. Попова, наименование „будущее причастие“ или „причастие будущего времени“, например *санаху* ‘думать’, ‘имеющий думать’.

3. Изъявительное, которое „выражает присвоение предмету какого-либо действия с определением времени, числа и действующих лиц“ и представлено четырьмя изъявительными формами, а именно: а) настоящего неопределенного времени — *санамуі* ‘думает (вообще)’ (ср. русское „настоящее расширенное время“); б) прошедшего близкого определенного времени — *санаба* ‘думал (в присутствии говорящего)’; в) прошедшего близкого неопределенного времени — *санаджи* ‘думал (в наше отсутствие)’; г) будущего времени — *санају* ‘будет думать (скоро)’.

Кроме этих четырех основных изъявительных форм, в ойратском языке имеются, по мнению Попова, также аналитические формы изъявительного наклонения, в образовании которых участвуют причастия и деепричастия со вспомогательными глаголами или связками; например: а) настоящего определенного времени (соединительное деепричастие и связка *бајіна* ‘есть’) — *санаджи бајіна* ‘думает (о конкретном действии настоящего времени)’; б) настоящего продолжительного времени (продолжительное деепричастие и связка *буі* ‘есть’, ‘сущий’) — *санасар буі* ‘продолжает думать’, ‘все думает и думает’; в) прошедшего определенного времени (прошедшее причастие и связка *буі*) — *санасан буі* ‘думал’; г) будущего неопределенного времени (будущее причастие и связка *буі*) — *санаху буі* ‘будет думать (когда-то)’ и т. д. общим числом до тринадцати аналитических форм изъявительного наклонения.

4. Условное, которое „показывает действие или состояние предмета под условием или предположением или означает только последовательность действия во времени“; это наклонение представлено формами условного и уступительного деепричастий, а также причастиями, сопровождаемыми вспомогательными глаголами в формах названных деепричастий, например: а) прошедшего времени — *іребесү* ‘если придет (то сделает то-то)’; б) давнопрошедшего времени (прошедшее причастие и вспомогательный глагол в форме условного деепричастия) — *іреген болбасу* ‘если уже приехал’; в) будущего времени — *ірекүле* ‘если придет’, ‘когда придет’; г) будущего относительного времени (будущее причастие и тот же вспомогательный глагол) — *ірекү болбасу* ‘если придет (то прежде приезда будет то-то)’;

5. Сослагательное, которое „показывает действие или состояние предмета сомнительным, неверным или только возможным“ и передается частицей сомнения *за*, употребляющейся при некоторых изъявительных формах со значением „может быть“, „кажется“, например: *иребе за* ‘кажется, приехал’, *ирекү за* ‘может быть, придет’. Это наклонение выражается также той формой, которая именуется ныне в монголистике дубитативной и передает сомнение, опасение и т. п. — в зависимости от диалекта; например *сануузай* ‘как бы не подумал’.

6. Желательное, выражающее „действие или состояние предмета с изъявлением желания, намерения или решимости“ и передающееся повелительными формами 1-го и 3-го лица; например: а) единственного числа 1-го лица — *санасу* ‘подумаю-ка’; б) множественного числа 1-го лица — *санаја* ‘подумайте-ка’; в) обоих числах 3-го лица — *санатугай* ‘пусть подумает’, ‘да подумают’.

Причастия и деепричастия А. Попов оставил вне категории наклонения, хотя и считал их способными участвовать в образовании аналитических форм разных наклонений, а условное деепричастие и будущее причастие — способными образовать формы соответственно условного и „неопределенного“ наклонений и самостоятельно, в чем нельзя не видеть известной непоследовательности в грамматическом изложении ойратского глагола, сделанном этим автором.¹

Таким образом, в большинстве случаев А. Попов к каждому своему наклонению „прикрепил“ соответствующие глагольные формы. Кроме того, при создании своей схемы наклонений в ойратском языке он принял во внимание модальные слова или частицы типа *за* ‘кажется’, ‘может быть’ и различные формы вспомогательных глаголов, особенно формы изъявительного наклонения. В этом заключается слабая сторона изложенной схемы наклонений А. Попова. Путь установления категории наклонения в монгольских языках, указанный А. Поповым, угрожал некоторой тавтологией, особенно при дальнейшей детализации типов наклонений: условное наклонение выражается условным деепричастием, уступительное

¹ А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847, стр. 133—171. (Определения форм наклонений нами даны в формулировках и выражениях цитируемого автора).

наклонение — уступительным деепричастием, повелительное наклонение — повелительными формами, предельное наклонение — предельным деепричастием, целевое наклонение — целевым деепричастием и т. д.

Поэтому последующие монголисты должны были отказаться от такого метода изложения наклонений в монгольских языках и приступить к прямому описанию и непосредственному исследованию отдельных форм глагола. Но дело нельзя было сводить только к анализу глагольных форм и их синтаксических функций, — нужно было как-то обобщить результаты такого анализа и соответственно этому сгруппировать эти формы в определенные разряды. Это вскоре же было осуществлено Алексеем Бобровниковым, нашедшим решение вопроса в исследовании и определении синтаксических функций глагола в монгольских языках и давшим следующую, более правильную классификацию глагольных форм в этих языках.

А. Окончательные глагольные формы: 1) повелительные, или побудительные; сюда вошли также формы и желательного наклонения А. Попова; 2) описательные и повествовательные, получившие впоследствии в монголистике наименование изъявительных форм. Особенностью окончательных глагольных форм является то, что все они могут быть в предложении только окончательными сказуемыми.¹

Б. Неокончательные глагольные формы: 1) причастия, могущие выступать в любой синтаксической функции, т. е. употребляться в положении определения, сказуемого со связкой или иногда без таковой, подлежащего, обстоятельства и дополнения (*гаругсан морин* 'вышедшая лошадь', 'лошадь, которая вышла'; *морин гаругсан амуи* 'лошадь вышла'; *морин гаругсан-ану медегдебэ* 'стало известно, что лошадь

¹ Окончательным, или заключительным, сказуемым в монголистике принято называть такое, которым заканчиваются простые, слитные или сочиненные предложения, т. е. единственное или последнее в ряду однородных сказуемых, ибо первые в порядке следования сказуемые выражаются сопутствующими деепричастиями; например: *аха адугун-дур жабуджу, би хонiben харгулба* 'старший брат отправился за табуном, а я пас овец' (букв. 'старший брат отправившись за табуном, я пас овец'). Здесь, как и выше, примеры даны из классического монгольского языка. Подробнее о классификации глагольных форм применительно к системе глагола в современном монгольском языке см. ниже.

вышла'; *морін гаругсан-дур* 'когда лошадь вышла'; *морін-у гаругсан-і* 'о том, что лошадь вышла'), и 2) деепричастия, которые в общем могут выражать сопутствующие и обстоятельственные действия и поэтому выступают в предложении только в качестве его второстепенных членов.¹ Общим для всех причастий и сопутствующих деепричастий является то, что они не имеют той относительно ограниченной, но точно определенной синтаксической нагрузки, которая так характерна для окончательных глагольных форм и обстоятельственных деепричастий (о сопутствующих и обстоятельственных деепричастиях см. ниже).

В 1903 г. Г. Рамстедт предложил следующую классификацию глагольных форм в халхаском диалекте монгольского языка.

А. „Истинные“ глагольные формы, функционирующие в предложении только предикативно: 1) формы требования (*Zumutungsformen*), 2) формы настроения (*Stimmungsformen*) и 3) временные или индикативные формы.

Б. Глагольные имена, функционирующие не только предикативно, но и в других синтаксических положениях; сюда оказались включенными не только причастия, но и многие отглагольные имена прилагательные.

В. Деепричастия, функционирующие в качестве определения сказуемого и в свою очередь подразделяющиеся на „фиктивные“ и „истинные“, первые из которых по своему происхождению являются глагольными формами, а вторые — именными.²

Как видно, Г. Рамстедт лишь несколько видоизменил классификацию А. Бобровникова, поскольку это касается синтаксического аспекта определения глагольных форм в монгольских языках. Что же касается подразделения деепричастий на „фиктивные“ и „истинные“, то это, конечно, к грамматической природе деепричастий никакого отношения не имеет, а с исторической точки зрения не может считаться безукоризненным, так как о некоторых „истинных“ деепричастиях

¹ См.: А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 120—145.

² G. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. Helsingfors, 1903, стр. 3, 24, 56 и 57.

никак нельзя сказать, что они происходят от каких-либо именных форм глагола (таковы, например, соединительное, слитное и разделительное деепричастия). Если условное и уступительное деепричастия действительно происходят от „чистой“ глагольной формы, а именно от изъявительной формы настоящего-прошедшего времени на *-ба*, то они в грамматическом отношении менее всего могут быть определены как глагольные, ибо субъект действия, выражаемого ими, передается именами в форме родительного или винительного падежа, а также и основой, например: халхаск. *эгчийг ирвэл чи явна* 'если придет сестра, то ты пойдешь' (букв. 'если сестру придет, то ты пойдешь'); бур. *эгэшин ерэбел ши ябахаш* (букв. 'если сестры придет, то ты пойдешь'); *наран гарабал дулаан болохо* 'если солнце взойдет, то будет тепло'.

Другие монголисты вообще не уделяли внимания изучению и точному терминологическому определению глагольных форм с точки зрения их модалного значения. В своих исследованиях, носивших преимущественно диалектологический характер, и практических пособиях по монгольским языкам эти ученые либо придерживались схемы А. Бобровникова или Г. Рамстедта, либо излагали монгольские глагольные формы применительно к схеме глагола в индоевропейских языках, поскольку это, по их мнению, казалось целесообразным в педагогическом отношении. Так, например, А. Д. Руднев, почти полностью принимая изложенную схему Г. Рамстедта, представил систему монгольского глагола в следующем виде:

А. Чисто глагольные формы: 1) повелительного и 2) изъявительного наклонения.

Б. Именные формы глагола или причастия; отглагольные имена прилагательные, во изменение схемы Г. Рамстедта, сюда не включены.

В. Конвербиальные формы глагола, или деепричастия.¹

Впоследствии А. Д. Руднев предложил уже несколько видоизмененную схему глагольных форм применительно к данным хоринского диалекта бурят-монгольского языка. Во-первых, А. Д. Руднев на этот раз выделил без какого бы то ни было определения так называемые „особые глагольные

¹ А. Д. Руднев. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, 2-е изд., М., 1931, стр. 36—57.

спряжения и формы“ — желательную, условную, сомнения, подтверждения, предположения и вопросительные, разбором которых мы здесь заниматься не будем. Во-вторых, в группу изъявительных форм оказались включенными и причастия по выполняемой ими предикативной функции, в результате чего у А. Д. Руднева одна и та же форма глагола выступает в составе то причастий, то изъявительных форм.¹ Здесь верным является лишь то, что причастия в монгольских языках действительно участвуют в образовании аналитических форм изъявительного наклонения, от чего они, конечно, не перестают быть причастными подобно „неопределенной форме“ русского глагола, которая, участвуя в образовании аналитической формы будущего времени изъявительного наклонения несовершенного вида, не перестает быть инфинитивом.

В некоторых школьных грамматиках бурят-монгольского языка схема А. Д. Руднева нашла свое отражение в том смысле, что причастие будущего времени на *-ха* по выполняемой им предикативной функции называется также и формой будущего времени изъявительного наклонения.² Прочие причастия в этих учебных грамматиках подобной двойкой интерпретации не подвергаются, хотя употребительны и в предикативной функции. Дело в том, что изъявительные формы в бурят-монгольской лингвистической литературе называются *саглуулан*, то есть „временными“. А так как среди этих „временных“ форм отсутствует такая, которая выражала бы действие будущего времени, то ее пришлось „позаимствовать“ у причастий: как же-де можно допустить, чтобы в бурят-монгольском языке не оказалось изъявительной формы будущего времени?! Что же касается причастий прошедшего и настоящего времени, то они ввиду наличия изъявительных форм этих времен не подверглись двойному истолкованию. Таким образом, вместо изложения аналитических форм изъявительного наклонения мы находим в школьных грамматиках бурят-монгольского языка как бы нарочитое смешение разных явле-

¹ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Пгр., 1914—1915, §§ 132—191.

² См., например: Д. Дугар-Жабон. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Улан-Удэ, 1949, стр. 85. Однако у этого же автора в его „Бурят-монгол хэлэн“ (Улан-Удэ, 1952, стр. 107—108) будущее причастие уже не фигурирует в составе форм изъявительного наклонения.

ний и несомненную непоследовательность в трактовке различных глагольных форм, что характерно также и для некоторых тюркологических исследований.¹

В этих же бурят-монгольских школьных грамматиках иногда выделяется в особое „желательное наклонение“ форма на *-хай* (*ябахай*, халхаск. *яваасай*, классич. *ябусугай* 'хорошо бы пойти'), которая вообще в монголистике относится к группе повелительно-желательных форм. Однако такое выделение особого „желательного наклонения“ в грамматическом плане не имеет никакого серьезного обоснования, если не считать того, что эта форма в отличие от прочих повелительно-желательных форм оказывается нейтральной в отношении выражения лица или безличной, так же как остальные формы глагола — изъявительные, причастия и деепричастия. Для уточнения лица употребляются либо местоименные и иные подлежащие, либо лично-предикативные частицы, например, *ябах-айб!* 'хорошо бы мне пойти!', *ябахайбди!* 'хорошо бы нам пойти!', *ябахайш!* 'хорошо бы тебе пойти!', *ябахайт!* 'хорошо бы вам пойти!', *ябахай!* 'хорошо бы ему пойти!', *ябах-айд!* 'хорошо бы им пойти!'.²

¹ Ср., например: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1943, стр. 163—188 и 204—209. В этой содержательной грамматике сначала описываются формы изъявительного наклонения в узбекском языке, а затем — причастия и деепричастия, часть которых, однако, рассматривается и как изъявительные формы, а о других сообщается, что они входят „в состав“ тех или иных времен (стр. 208—209). Как известно, сказуемое употребление причастных и деепричастных форм глагола в науке никогда не признавалось как их превращение в изъявительные. Например, сказуемое употребление деепричастия прошедшего времени во многих говорах русского языка не дало основания признавать его формой изъявительного наклонения (см.: П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 78—80). Ср. также участие причастий многих индоевропейских языков в образовании аналитических форм сложных времен изъявительного наклонения.

² Д. Дугар-Жабон. Бурят-монгол хэлэн, стр. 106—114. Лично-предикативные частицы употребляются и при некоторых других повелительно-желательных формах глагола, но не столько для обозначения лица, ибо в этом нужды нет, сколько для уточнения числа, которое не определено в самих этих формах. Например, в бурят-монгольском языке повелительно-желательная форма 2-го лица будущего времени на *-аарай*, будучи формой именно только 2-го лица, не уточнена в отношении числа: *ябаарай!* 'пойдешь!' или 'пойдете!', но: *ябаарайш!* 'пойдешь!'

В данном случае авторы школьных грамматик исходят из того ошибочного представления, что якобы повелительное наклонение выражает только повеление или приказание. В действительности же, с одной стороны, и „чистые“ повелительные формы выражают не только повеление, но и просьбу, мольбу, увещевание, соизволение и т. д.; с другой стороны, и желательная форма в определенных стилях речи может выражать категорическое повеление или безоговорочное требование.

В школьных грамматиках современного монгольского языка повелительно-желательные формы подразделяются на три подгруппы: 1) 1-го и 2-го лица, собственно повелительные, 2) желательные 3-го лица и 3) одна безличная предостережения (*явуузай* 'как бы не ушел'). В этих грамматиках причастия не подвергаются двоякому истолкованию, как в некоторых грамматиках бурят-монгольского языка, т. е. по выполняемой ими предикативной функции причастия не переводятся в разряд изъявительных форм.¹

Иногда в отношении повелительно-желательных форм 1-го и 3-го лица утверждается, что отнесение их к повелительно-желательному наклонению не является правильным, так как где повеление или приказание самому себе или отсутствующему, третьему, лицу представляется невозможным (в монголоведной литературе такие соображения не высказывались, хотя и выставлялись на разного рода лингвистических совещаниях). Но в грамматическом плане объединение всех упоминаемых здесь форм в одну общую группу повелительно-желательного наклонения обосновано тем, что, помимо сказанного, все они характеризуются такими общими чертами, как: а) выражение действия как желаемого; б) наличие только им присущего препозиционного отрицания (бур. *бу*, халхаск. *битгий*, классич. *буу* 'не'); в) наличие категории лица или соотнесенности к определенному лицу, хотя и без уточнения числа; г) отсутствие категории и *ябаарайт!* 'пойдете!'. Как известно, так же обстоит дело с повелительно-желательными формами и в тюркских языках, в которых число уточняется либо при помощи особых аффиксов, либо при помощи обычного окончания множественного числа *-лар*; например, узбекск. *бошла!* 'начинай!', *бошлан!* 'начинайте!', *бошласин!* 'пусть начнет!', *бошласинлар!* 'пусть начнут!'.

¹ Лувсанвандан ба Дэмчигдорж. Монгол хэлний зүй. Улаан-баатар, 1951, стр. 116—126.

времени, поскольку все эти формы по смыслу ориентированы на близкое или отдаленное будущее.

Ни одна из повелительно-желательных форм не обозначает действие как реально протекающее: они не устанавливают наличие действия в настоящем, прошедшем или будущем времени, как и не отрицают его. Они, повторяем, выражают только желание или волю говорящего, чтобы соответствующее действие совершилось в течение ближайшего или отдаленного будущего времени. Но в грамматическом плане не имеет никакого значения то обстоятельство, как же именно выражается говорящим такое желание, в виде ли прямого повеления и безоговорочного требования, в виде ли просьбы или простой констатации такого желания. Ведь если учитывать не общие грамматические особенности различных глагольных форм, а их частные смысловые детали, то придется, например, так называемые временные формы не объединять под общим наименованием изъявительного наклонения, а разбивать на более частные „наклонения“, например, собственно изъявительное *явна* 'идет', *явав* 'пошел', подтвердительное *явлаа* 'ведь пошел' и „неожиданное“ *явжээ* 'оказывается, пошел' (примеры из современного монгольского языка, см. ниже перечень глагольных форм).

Но в том же грамматическом плане между повелительно-желательными формами имеется, однако, то различие, что формы 3-го лица не могут образовать такие обороты, которые содержали бы в себе так называемое обращение, как бы заменяющее собой подлежащее, тогда как прочие повелительно-желательные формы образуют обороты, имеющие как обращение, так и подлежащее (местоименное).

Таким образом, почти для всей монголоведной литературы, как школьной, так и научной, характерно фактическое признание в монгольских языках двух наклонений — повелительного, или повелительно-желательного, и изъявительного. Причастия и деепричастия признаются за такие формы глагола, которые в модальном отношении являются нейтральными и поэтому находятся за пределами категории наклонения, — исключение иногда делается в отношении обстоятельственных деепричастий (см. стр. 17).

Как уже говорилось выше, наиболее правильной является классификация глагольных форм в монгольских языках, предложенная А. Бобровниковым, этим замечательным русским монголистом середины прошлого столетия. Здесь речь идет о простых, синтетических, формах глагола, что при обилии связок, вспомогательных глаголов и модальных слов или частиц является единственно правильным для исследования системы глагола в монгольских языках. Эта классификация глагольных форм в настоящее время принята нами в монголистике лишь с некоторыми незначительными изменениями и применительно к системе глагола в современном монгольском языке имеет следующий вид.

А. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

1. Формы повелительно-желательного склонения:

1) 2-го лица, выражается первичной глагольной основой, т. е. эта форма не имеет особого окончания: *яв!* 'иди!';

2) 2-го лица будущего времени, окончание *-аарай:* *яваарай!* 'иди (не теперь, а потом)!';

3) 2-го лица усиленной просьбы или увещевания, окончание *-аа:* *яваа!* 'иди же!';

4) 2-го лица вежливого обращения, окончание *-гтун:* *яваагтун!* 'идите!'; часто интерпретируется как форма множественного числа 2-го лица, в соответствии с чем предыдущие формы считаются формами единственного числа того же лица;

5) 1-го лица, окончание *-я:* *явъя!* 'пойду-ка!', 'пойдемте-ка!';

6) 3-го лица, окончание *-г* или *-тугай:* *яваг!* или *явтугай!* 'да пойдут!', 'пусть идет!';

7) желания, окончание *-аасай:* *яваасай!* 'хорошо бы пойти!', 'было бы хорошо, если бы пошел!';

8) опасения, окончание *-уузай:* *явуузай!* 'как бы не пошел!'.
2. Формы изъявительного склонения:

1) настоящего-будущего времени, окончание *-на:* *явна* 'идет', 'пойдет';

2) настоящего-прошедшего времени, окончание *-в:* *явав* 'пошел', 'уходит' (т. е. 'только что пошел');

3) прошедшего времени заведомо известного действия, окончание *-лаа*: *явлаа* 'ведь пошел', 'как известно, ушел', 'ну, я пошел!';

4) прошедшего времени неожиданного действия, т. е. неожиданно ставшего известным, окончание *-жээ*, *-чээ*: *явжээ* 'ушел, оказывается'; *гарчээ* 'оказывается, вышел'.

Б. НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

1. Причастия:

1) будущего времени (будущее), окончание *-ах*: *явах* 'имеющий идти';

2) прошедшего времени (прошедшее), окончание *-сан*: *явсан* 'пошедший';

3) настоящего времени (настоящее или несовершенное), окончание *-аа*: *яваа* 'идуший'; *яваагүй* 'еще не пошедший (но имеющий идти)';

4) многократное, окончание *-даг*: *яваг* 'имеющий обыкновенно идти', 'часто или обычно идущий';

5) „однократное“, окончание *-гч*: *явагч* 'идуший'; эта форма все более и более теряет признаки глагола и становится формой образования отглагольных имен деятеля, например, *сурагч* 'учащийся', *эрхлэгч* 'заведующий' соответственно от *сур-* 'учиться' и *эрхэл-* 'заведовать'; в причастном употреблении в современных монгольских языках она фактически мало чем отличается от многократного причастия.

2. Деепричастия:

1) соединительное, или настоящего времени, окончание *-ж*, *-ч*: *явж* 'идя', *гарч* 'выходя';

2) слитное, или настоящего времени, окончание *-н*: *яван* 'идя';

3) разделительное, или прошедшего времени, окончание *-аад*: *яваад* 'пойдя', 'пошедши';

4) продолжительное, окончание *-саар*: *явсаар* 'продолжая идти', 'с тех пор как пошел';

5) предварительное, окончание *-магц*: *явмагц* 'как только пошел';

6) последовательное, окончание *-хлаар*: *явахлаар* 'когда пошел';

7) совместное, или предела, окончание *-тал*: *явтал* 'до ухода', 'пока не пошел', 'несмотря на то, что ушел';

8) условное, окончание *-вал*, *-бал*: *явбал* 'если пойдет'; *гарвал* 'если выйдет';

9) уступительное, окончание *-вч*: *явавч* 'хотя и ушел', 'несмотря на то, что пошел';

10) целевое, окончание *-хаа*: *яваххаа* 'чтобы идти';

11) заменное, окончание *-нгаа*: *явангаа* 'вместо того чтобы идти (лучше сделать то-то)';

12) попутное, окончание *-нгуут*: *явангуут* 'коль скоро пошел (то попутно сделать то-то)'; эта форма в современном монгольском языке встречается крайне редко, но очень хорошо известна в восточных диалектах бурят-монгольского языка.

Эти деепричастия по своим синтаксическим особенностям делятся на сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и обстоятельственные (остальные девять деепричастий). Сопутствующие деепричастия отчасти напоминают деепричастия в русском языке, от которых, однако, они отличаются тем, что могут иметь свои собственные подлежащие. Например: *Хавар болж, цас хайлав* 'Весна настала, и снег растаял' (букв. 'весна становясь, снег растаял'); *Нар гараад, дулаан болов* 'Солнце взошло, и стало тепло' (букв. 'солнце взошедши, тепло стало'); *Бат сураг зурж, Даваг шүлэг уншиж байна* 'Бат рисует, а Даваг читает стихотворение' (букв. 'Бат картину рисуя, Даваг стихотворение читает'); *дараахь үгүүлбэрүүдийг бичээд, үйлүгийн доогуур зур* 'перепиши следующие предложения и подчеркни глаголы' (букв. 'следующие предложения переписав, под глаголами черкни'); *удалуй цахилгаан гялс хийж, тэнгэр нижинэн дуугарав* 'вскоре засверкала молния, и гром загремел' (букв. 'молния засверкав, гром загремел').

С описанной синтаксической особенностью сопутствующих деепричастий связано и то, что в монгольских языках повелительно-желательные формы глагола могут, как правило, только заканчивать простые слитные и сочиненные предложения, т. е. быть лишь заключительными сказуемыми, в соответствии с чем незаключительные сказуемые выражаются

в монгольских языках именно сопутствующими деепричастиями, как это видно из приведенных выше примеров.

Иными словами, сопутствующие деепричастия в монгольских языках в модальном отношении являются нейтральными и во всех своих употреблениях подчинены остальным глагольным формам не только с точки зрения модальности, но и времени, лица, синтаксического положения и т. п. В этом смысле сопутствующие деепричастия не могут быть названы отглагольными наречиями, как это принято делать в отношении деепричастий в русском языке.

Что же касается обстоятельственных деепричастий, то они тем еще существенно отличаются от сопутствующих, что если они имеют свое особое „подлежащее“, то последнее в халха-монгольском языке оформляется чаще всего винительным падежом. Например: *Чамайг гэрээсээ морь авчирмагц бид багшдаа энэ морийг егье*¹ 'Как только ты приведешь из дома коня, мы отдадим его нашему учителю' (букв. 'Тебя — из дома коня — приведешь только — мы своему учителю этого коня отдадимте-ка'); *Эрдэнийг уулнаас түлээ зөөдөг болсоор бид гертээ түлээтэй болов* 'С тех пор как Эрдэн стал возить с горы дрова, мы дома имеем дрова' (букв. 'Эрдэна — с горы дрова — возить стал с тех пор — мы дома с дровами стали'); *Дулмааг сургуульд орвол, чи над захидал бичээрэй* 'Если Дулма поступит в школу, ты напиши мне письмо' [букв. 'Дулму (ее) школу поступит если, ты мне письмо напиши'].

В бурят-монгольском языке для обозначения „подлежащего“ обстоятельственных деепричастий употребляется не винительный, а родительный падеж. Например: *Миний ерэбэл шийбахаш* 'Если я приеду, то ты отправишься' (букв. 'Меня приеду если, ты отправишься'); *Эхын гарамсаар бидэ орохобди* 'Как только мать выйдет, мы войдем' (букв. 'Матери выйдет как только, мы войдем').

Вместо винительного или родительного падежа во всех монгольских языках для выражения „подлежащего“ обстоятельно-деепричастного оборота довольно часто употребляется усеченная основа имени. Например: халхаск. *Нар гарвал дулаан*

¹ Примеры из современного монгольского языка заимствованы из книги Ш. Лувсанвандана „Монгол хэлний зүй“ (Улаан-баатар, 1951) и даны без ссылок на этот источник.

болно 'Если солнце взойдет, будет тепло'; бур. *Хураоромсоор харгы нойтон болоо* 'Как только пошел дождь, дорога стала грязная'.

В известном смысле обстоятельственные деепричастия можно было бы определить не как деепричастия, а как формы соответствующих наклонений: условного,¹ уступительного, целевого, предварительного, последовательного, заменного и т. д. (см. выше по перечню деепричастий). Такое определение обстоятельственных деепричастий как будто бы оправдывается, если наклонением называется такое выражение отношения действия к действительности, которое устанавливается говорящим при помощи форм самого глагола. Но что же могло бы дать такое определение обстоятельственных деепричастий в научном отношении, если все дело свелось бы только к их простой номинальной „переквалификации“, лишь к их терминологической перефразировке? Как нам думается, при данном состоянии изученности системы глагола в монгольских языках на поставленный вопрос дать положительный ответ крайне затруднительно прежде всего потому, что почти все эти обстоятельственные деепричастия в речевом употреблении выступают, имея самые разнообразные значения и выполняя столь же разнообразные синтаксические и иные функции, и менее всего, что особенно существенно, связаны с основными формами выражения сказуемых отношений.

Так как в монголоведной лингвистической литературе значения и различные функции простых глагольных форм рассматриваются более или менее подробно, то мы здесь ради краткости ограничимся лишь в виде опыта самым схематическим обзором простых, синтетических, и некоторых сложных, аналитических, форм изъявительного наклонения в бурят-монгольском языке. Такой обзор этих форм представляется целесообразным потому, что тем самым всего легче показать необходимость проведения строгого различия между синтетическими и аналитическими формами глагола, которые так характерны

¹ Кстати, следует отметить, что условное деепричастие по своему значению и употреблению менее всего напоминает условно-соединительное наклонение в русском языке, ибо оно более всего соответствует разным условным, именным и глагольным оборотам со словами 'если', 'в случае', 'при условии' и т. д.

именно для бурят-монгольского языка.¹ Необходимо иметь в виду, что в этом языке аналитические формы изъявительного наклонения, в образовании которых существенную роль играют почти все причастия, имеют, если можно так сказать, тенденцию превратиться в усеченные аналитические формы в результате все более учащающихся случаев опускания связок настоящего времени. Это значит, что в бурят-монгольском языке причастия получают возможность сказуемостного функционирования как бы на равных началах с собственно изъявительными формами. Сказанное касается прежде всего будущего и прошедшего несовершенного причастий, первое из которых подверглось, как уже выше говорилось, двоякому истолкованию, в то время как в отношении второго — прошедшего несовершенного причастия — двойного истолкования не дается, хотя оно и имеет на это гораздо больше „прав“: в положительной форме оно почти полностью утратило свои причастные черты. Следует еще раз подчеркнуть, что сказуемостное употребление причастий не приводит само по себе к переходу последних в разряд изъявительных форм.

Будущее время

В бурят-монгольском языке нет особой изъявительной формы будущего времени: действие или состояние в речи о будущем выражается аналитической формой, образуемой будущим причастием и связками настоящего времени, которые довольно часто опускаются. В результате этого данное причастие в предикативном употреблении часто выступает самостоятельно, давая тем самым некоторый (хотя и недостаточный) повод считать его также и изъявительной формой.

Возможность сказуемостного употребления будущего причастия без связок настоящего времени обуславливается наличием в бурят-монгольском языке ряда предикативных частиц,

¹ Схематического обзора форм повелительно-желательного наклонения мы здесь не даем, так как по поводу них в монголоведной литературе нет какого-либо смешения разных категорий и явлений, если не считать некоторого разнобоя в отношении желательной формы, который носит совершенно другой характер, не будучи связан со смешением аналитических форм с синтетическими (см. выше).

личных и модальных. Установлены две формы такого сказуемого употребления причастия будущего времени — с лично-предикативными и лично-притяжательными частицами.

1. Сказуемое, выраженное будущим причастием с лично-предикативными частицами, обозначает действие или состояние будущего времени в порядке простой констатации. Например: *Би зоригтой летчик болохоб, бузар фашист дайсаниие бутара хамнара сохихоб* (Д. Хилт.)¹ 'Я буду храбрым летчиком, подлого врага-фашиста вдребезги разобью'; *Хадын хормойн ногооо хабтагай хажуураар унагаахабди, хара ханаата фашистые халуун бомбоор унагаахабди* (М. Алс.) 'Траву у подножья горы свалим широкими косами, зловредных фашистов свалим пылающими бомбами'; *Гайха, тагна, юушье хараха үзэхэш* (Ант., стр. 54) 'Удивляйся, изумляйся, увидишь и согласишься все, что угодно'.

2. Сказуемое, выраженное будущим причастием с лично-притяжательными частицами, обозначает действие или состояние будущего времени не в порядке простой констатации, а с выражением либо неизбежности, либо желания. Например: *Эдир наһан дууһахань* (Ант., стр. 53) 'Молодость подходит к концу'; *Ами голоо, тархи толгойгоо таһа сабшуулхамнай* (Ант., стр. 59) 'Вот смерть (наступает), отрубят наши головы'; *Би энэ нүхэндэ орохомни, шамда хожом нэгэ ехэ туһа хургэхэб* (Ант., стр. 73) 'Войду-ка я в эту яму и потом окажу

¹ В данной статье приняты следующие условные обозначения:

Ант. — Бурят-монгол литературы антологи. Улан-Удэ, 1943.

А. Бальб. — А. А. Бальбуров, бурят-монгольский писатель, отдельные сочинения.

А. Шад. — А. И. Шадаев, бурят-монгольский писатель, отдельные пьесы.

Д. Дамд. — Д. Д. Дамдинов, бурят-монгольский писатель, отдельные сочинения.

Д. Д.-Ж. — Д. Дугар-Жабон. 1) Бурят-монгол хэлэн. Улан-Удэ; 2) Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Улан-Удэ, 1949.

Д. Хилт. — Д. Д. Хилтухин, бурят-монгольский писатель, отдельные произведения.

Им. — М. Н. Имехенов. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Фонетика ба морфологи. Улан-Удэ, 1952.

М. Алс. — М. Алсыев, бурят-монгольский сказитель, сказки.

С. Шан. — С. Ш. Шанаршеев, бурят-монгольский сказитель, сказки.

Ш. Нимб. — Ш. Н. Нимбуев, бурят-монгольский поэт, отдельные стихотворения.

тебе одну большую услугу'; *Шубуунай үндэгэ хулайлжа аба-хыешни харахамни* (Ант., стр. 78) 'Посмотрю-ка я, как ты украдешь у птицы ее яйца'; *Дайлалдахаяа би ошохом* (А. Бальб.) 'Пойду я сражаться'.

Лично-притяжательные частицы при других глагольных и именных формах, употребляемых сказуемостно, никогда не применяются.

Настоящее время

1. Действие настоящего времени выражается изъявительной формой на *-на*, если это действие представляется постоянным признаком предмета в течение времени, в котором момент речи оказывается доминирующим (расширенное настоящее время!). Например: *Газар болбол Нарые тойрон эрьелдэнэ* (Д. Д.-Ж.) 'Земля вращается вокруг Солнца'; *Загаһан хадаа зангалайгаараа амилна* (Д. Д.-Ж.) 'Рыба дышит жабрами'.

Однако эта изъявительная форма во многих случаях окказионально применяется и для выражения действия будущего времени. Это обуславливается преимущественно наличием во фразе времяуказующих слов; например: *би маргааша ябана* 'я иду завтра'. Как известно, в современном монгольском языке эта форма вообще является обычной для выражения действия будущего времени, а не только настоящего (расширенного), ибо будущее причастие в этом языке почти никогда не употребляется предикативно, особенно без связок и каких-либо модальных частиц или слов.

Для выражения действия настоящего времени, являющегося обычным для предмета, употребляется и многократное причастие, а также и так называемое однократное причастие. Например: *Гадна өөрөөшье шэнэ шэнэ улыгэр ба дуунууды зохёдог байна* (Ант., стр. 128) 'Кроме того, сочиняет и другие новейшие сказания и песни'; *Ши хэды дахин намайе алагшабши?* (Ант., стр. 56) 'Сколько же раз ты меня убиваешь?'.

2. Какое-либо конкретное действие настоящего времени выражается аналитической формой изъявительного наклонения, в образовании которой участвуют соединительное или слитное деепричастие и какой-нибудь вспомогательный глагол: *һууна* 'сидит', *байна* 'есть'. Например: *һурагшад ехэ анхаралтайгаар шагнан һуунад* (Д. Д.-Ж.) 'Ученики слушают с большим

вниманием'; *Мүнөө эндэ суглархан хүнүүд газашаа гаражал байна* (Д. Д.-Ж.) 'Люди, собравшиеся вот здесь, выходят на улицу'.

Очень часто конкретное действие настоящего времени окказионально, обычно в повествованиях, выражается предыдущей формой. Например: *Газаа нохойнууд гангиналдана, дал соо байһан үнээд мөөрэлдэнэ* (Им., стр. 106) 'Во дворе визжат собаки, мычат коровы, находящиеся в сарае'; *Шууяан шурхираан болоно, японтониие даяараа шабхадана, үхэсэ тоншоно* (Ант., стр. 123) 'Поднимается шум, своими крыльями (птицы) бьют японцев и забивают их насмерть'.

Прошедшее время

1. Действие прошедшего времени выражается изъявительной формой на *-ба*, используемой довольно часто также для передачи такого действия настоящего времени, которое заканчивается в момент речи (по определению А. Попова, „в присутствии говорящего“, см. выше на стр. 4). Например: *Шулуун хатуу зоригоор сохилдоондо оробоб, сохёод дайсана дарааб* (Д. Дамд.) 'С мужественным сердцем вступил я в бой и врага своего одолел'; *Тэндэ наадажа ябаһан үхибүүдые ооглобо* (Д. Д.-Ж.) 'Зовёт (или позвал) детей, игравших там'; *Тээ тэндэхээ улад ерэбэ* 'Вот оттуда подходят люди' (подход людей уже завершается „в присутствии говорящего“).

2. Действие прошедшего времени, уже завершённое до момента речи в более отдаленное время, выражается аналитической формой, в образовании которой участвуют прошедшее причастие и какая-нибудь связка, именная или глагольная, в форме настоящего времени. Например: *Эртэ урда сагта үбгэ һамган хоёр һуужа байһан юм* (Ант., стр. 53) 'В раннее прежнее время жили старик со старухой'; *А. А. Тороев үгытэй бүлэнэртэ түрэхэн юм* (Ант., стр. 113) 'А. А. Тороев (сказитель) родился в семье бедняков'; *Танһаа нэгэ бухал абахыеньшье абаһан байнаб* (Ант., стр. 84) 'Я у вас действительно взял один стог сена'; *Энэ хүн үрөөһэн нюдөөр муу болоһон байна* (Ант., стр. 124) 'У этого человека один глаз стал плохо видеть'.

Данная аналитическая форма иногда передает также и некоторый модальный оттенок со значением „оказывается“; это

соответствует (как причина или следствие?) тому явлению, что в бурят-монгольском языке нет изъявительной формы на -жээ, именно в таком значении имеющейся в прочих монгольских языках. Например: *Гэртээ ерэхэдэнь хүн зон олоороо сугларшаһан байна* (Ант., стр. 83) 'Когда он вернулся домой, то (оказалось) там собралось много народа'.

В бурят-монгольском языке, как и в классическом монгольском, прошедшее причастие почти никогда не употребляется предикативно без связки, тогда как в современном монгольском языке оно, употребляясь без связки, в данном синтаксическом применении все более и более вытесняет собой изъявительные формы прошедшего времени.

3. Действие прошедшего времени, уже завершённое до момента речи в более близкое время, выражается прошедшим несовершенным причастием, при котором связка настоящего времени *байна* 'есть' почти всегда опускается во всех диалектах бурят-монгольского языка. В этом языке указанное причастие как форма выражения действия, относящегося к прошедшему времени, является наиболее обычным, вследствие чего предикативное употребление предыдущего, т. е. прошедшего, причастия в бурят-монгольском языке оказывается крайне редким по сравнению с тем, что мы находим в современном монгольском языке. Например: *Үнэгэн хайшаа ошооб, хараа гүш?* (Ант., стр. 73) 'Не видел ли ты, куда же ушла лисица?'; *Ямар эмэтэй хадань тэрэ гурбые хаагаабши?* (С. Шан.) 'Чем провинились эти трое, что ты их задержал?'; *Бидэнэй хоорондохи дүүрээ* (А. Шад.) 'Между нами все кончено'; *Бишни буруу ойлгожо һуугааб* (А. Шад.) 'Я-то неправильно понимал'.

В бурят-монгольском языке это причастие в положительной форме все более и более утрачивает свои непредикативные функции, почти никогда не употребляясь в качестве определения, подлежащего, дополнения и обстоятельства, т. е. теряет свои причастные особенности, чего никак нельзя сказать относительно будущего причастия. Прошедшим несовершенным это причастие¹ именуется в силу того, что его отрицательная

¹ Эта форма в современном монгольском языке является причастием настоящего времени, а не прошедшего, как в бурят-монгольском языке. Следовательно, это причастие имеет одинаковое значение во всех монгольских языках лишь в отрицательной форме, имея разное значение в по-

форма в бурят-монгольском языке, как и в прочих монгольских языках, выражает чаще всего такое действие, которое хотя и не состоялось, но будет иметь место в ближайшем будущем. Например: *Ханилхан хайхан Хабхарайнь ерээгүй байба* (Ант., стр. 47) 'Его любимая Хабхарай назад еще не вернулась'; *Мулөөн хэлээгүй ү?* (А. Шад.) 'Мулон еще не говорил?'

4. По своему значению одинаковым с предикативно употребляемым прошедшим несовершенным причастием является причастие на *-нхай*, известное в восточных бурят-монгольских диалектах и в отрицательной форме, не имеющее значения „еще не“, например: *хайхан үльгэр дуунуудтнай сая дахин дабтагдан үе дамжан ерэнхэй, угаа мэргэн хүнүүдэй уран хэлээр мүлигдэн үнгэ гэрэл оронхой* (Ш. Нимб.) 'Ваши прекрасные сказания и песни, ныне вновь повторяясь, к нам навеки пришли и, отполированные в искусных речах мудрейших людей, засияли новыми красками'; *Манайда оронхой үгыл* (Ант., стр. 67) 'К нам входить нельзя' или 'К нам не входят'. Вообще же форма на *-нхай* в бурят-монгольском языке, как и в других монгольских языках, никак не являясь причастной, образует отглагольное имя прилагательное. Например: *хата- 'сохнуть' — хатанхай 'засохший', эсэ- 'установить' — эсэнхэй 'усталый', тура- 'худеть' — туранхай 'изнуренный'*.

Изложенные нами аналитические формы изъявительного наклонения, будучи сложными по составу, не являются средствами выражения так называемых „сложных“ времен и обозначают только „простые“ времена. „Простыми“ временами мы здесь условно называем такие, которые соотносятся непосредственно с моментом речи, — в данном случае речь идет не только о „чистых“ изъявительных формах, но и о таких, в образовании которых участвуют деепричастия и в особенности причастия со связками и вспомогательными глаголами в формах настоящего времени. В тех же случаях, когда связки или

ложительной форме как в отношении времени, так и в части синтаксического употребления. Впрочем, это причастие и в современном монгольском языке все реже и реже употребляется в позиции подлежащего, дополнения и обстоятельства, но прочно удерживается в позиции определения и, в отрицательной форме, сказуемого.

вспомогательные глаголы даны в формах не настоящего, а прошедшего или будущего времени, действие знаменательной части аналитической глагольной формы по времени соотнесено с моментом речи не непосредственно, а через другое, прошедшее или будущее, — это и будет „сложное“ время, непременно выражаемое аналитическими формами глагола. Например: *Харгын зугаа гарга гээ һэн, тэрэнь ямар юмэ ааб гэжэ һанаад, дэмы гайхахадаа энэ тэрэ модо сагаалаа һэм* (Ант., стр. 69) 'Сказано было устроить дорожное торжество, и думал я, что бы это могло значить, и на всякий случай расчистил от коры несколько деревьев'; *Сагайнь байдал намар боложо байһан байгаа* (Ант., стр. 153) 'Время уже становилось осеннее'; *Би тэрэ ябагшадтай ошоо һэм* (Им., стр. 111) 'Я пошел с теми, которые отправились'; *Намар ошоходошни зун ябашаһан байха бэээ* (Зап.) 'Когда осенью придешь, то окажется, что (он) уже отправился летом'.

В последнем примере прошедшее причастие *ябашаһан* 'уже отправился' выражает действие, которое является будущим по отношению к моменту речи, но прошедшим по отношению к действию будущего причастия *ошоходошни* 'когда придешь', — иными словами, здесь мы имеем прошедшее в будущем, но будущее по отношению к моменту речи.

Таким образом, формы „сложных“ времен и, добавим, различной модальности в бурят-монгольском языке, как и в других монгольских языках, оказываются весьма разнообразными и, надо сказать, до сих пор совершенно неизученными. Поэтому в настоящее время разбор этой части системы монгольского глагола представляется более целесообразным свести к анализу употребления связок, глагольных и именных, вспомогательных глаголов и модальных слов и частиц, что может быть осуществлено лишь в специальных исследованиях. Кроме того, обилие подобных присказуемых „синтаксем“, т. е. связок, вспомогательных глаголов и модальных слов и частиц, которые так характерны для всех монгольских языков, вынуждает нас рассматривать их вне категории глагольного наклонения. В противном случае пришлось бы перечисленные выше „простые“ формы или формы „простых“ времен изъявительного наклонения помножить на общее количество присказуемых „синтаксем“, в результате чего общее коли-

чество форм этого „наклонения“ увеличилось бы до нескольких десятков. Мы уже не говорим о том, что подобный метод исследования и определения категории глагольного наклонения вообще является принципиально неправильным, как выходящий за пределы понятия глагола. Дело в том, что эти присказуемые „синтаксемы“ не являются специфической принадлежностью одних только глаголов, а относятся к любому сказуемому (именному — в том числе), подобно лично-предикативным частицам, которые ведь не образуют так называемого личного спряжения в системе глагола, как это иногда неверно утверждается в общей литературе по алтаистике. Эти присказуемые „синтаксемы“ никоим образом не составляют неотъемлемой части какой бы то ни было формы глагола, ибо они употребительны при любом сказуемом. Так, например, модальная частица предположения *бээзэ* употребительна как с глагольными сказуемыми, так и с именными; *энээндэ этигэнэгүй бэээт* 'вы, конечно, не верите этому'; *тэдэ мууш хүнүүд бэшэ бэээ* 'они, пожалуй, не плохие люди'; *мэдэгдэхэ юм бэээ даа* 'вероятно, об этом будет известно'; *тэрээнтэй танил бэээ* 'должно быть, (он) знаком с ним'; *этигэжэ ядамаар бэшэ бэээ* 'вряд ли можно сомневаться'. То же самое надо сказать и относительно модальной частицы вероятности *хаяа* и уподобления *алтай*: *ши одоош минии гарта оробо хаяаш!* 'ты теперь, кажется, попал в мои руки!'; *энэш худал хаяа* 'пожалуй, это неправда'; *та хазагай дулаһан байба алтай* 'похоже на то, что вы неправильно слышали'; *та эндэхи алтайт* 'похоже, что вы здешний', 'вы, вероятно, здешний'; *унташоо алтай* 'он, видимо, уснул'.¹

Эти и им подобные модальные слова и частицы, как видно из приведенных примеров, менее всего могут давать основание искать в системе глагола какие-то наклонения предположения, вероятности и т. п.

Следовательно, на примере системы бурят-монгольского глагола мы приходим к тому выводу, что в монгольских языках, данные которых никак не расходятся в своей основе

¹ Примеры заимствованы нами из „Бурят-монгольско-русского словаря“ К. М. Черемисова (М., 1951, стр. 47, 144 и 565).

с показаниями бурят-монгольского языка, выявляются только два наклонения: повелительно-желательное, или повелительное, и изъявительное. Выше мы видели, что нет никакого серьезного основания выделять в этих языках желательную форму глагола в особое, желательное, наклонение. Причастия и деепричастия сами по себе в модальном отношении являются нейтральными и в своем сказуемом употреблении никоим образом не превращаются в изъявительные формы, поскольку они при этом не утрачивают в монгольских языках своей причастной или деепричастной природы. Формами наклонения мы должны называть только такие формы глагола, для которых то или иное модальное значение или применение является либо единственным, либо во всяком случае доминирующим, чего никак нельзя утверждать насчет причастий и деепричастий в монгольских языках.
